

Ректор МОИХ СНОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Саша Бездушная

18+

Саша Бездушная

Ректор моих снов

<https://litres.ru/74058684>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса Эш всего лишь хотела подшутить над другом-Стражем и пробраться в его сон, чтобы подбросить безобидный (но очень пошлый) кошмар. Но сломанный амулет, таинственный старшекурсник и собственная невезучесть привели её прямиком в подсознание молодого ректора — мужчины, которого за глаза называют Лордом-Кошмаром. Теперь вместо невинной шалости у неё за спиной — тайное расследование, на запястье — артефакт погибшей матери ректора, а в голове — настойчивое (и совершенно неуместное) желание, чтобы этот властный, опасный мужчина перестал смотреть на неё как на добычу. Или хотя бы не переставал.

Тайный заговор в Академии Сомния, запретная магия снов и двое, чьи чувства запутались сильнее, чем подсознание сновидца. Ей придётся выбирать: друг детства, готовый вынести любую дверь ради неё, или загадочный ректор, который знает о ней больше, чем она сама. Но главное — успеть разгадать, что скрыто в шкатулке из чужого сна, пока эта тайна не сожрала их всех.

Саша Бездушная

Ректор моих снов

Глава 1. Не в того

Студенты факультета Пси-Навигации ненавидят две вещи: утренние пары и когда сон, в который они так старательно пробивались, оказывается не тем. Алиса ненавидела только одну — когда её ловят. Но сейчас, стоя на коленях в чужом подсознании, которое больше напоминало не уютную спальню друга детства, а готический тронный зал, пахнущий грозой и дорогим табаком, она начинала пересматривать свои приоритеты.

— Ну Лекс, ну удружил, — прошептала она, оглядывая высокие стрельчатые окна, за которыми клубился неестественно чёрный туман. — С каких пор Стражи видят такие сны? Он же у нас боится темноты, в конце концов!

Амулет-локатор на её запястье — тонкая серебряная цепочка с камнем лунного опала — всё ещё слабо пульсировал, подтверждая, что она попала точно по заданным коор-

динатам. «Ментальная сигнатура Лекса», — уверял её вчера одолженный у старшекурсника прибор. «Доступ к его подсознанию проще пареной репы», — веселилась она, настраивая прыжок. Пареная репа, как же. Пареная репа обернулась королевским приёмом в самой жуткой локации, которую она когда-либо видела. Зал был пуст, если не считать высокого чёрного трона на возвышении. Трон был живой. Нет, буквально. Каменные подлокотники едва заметно дышали, а по спинке пробегала ленивая рябь, словно по шкуре спящего зверя. Алиса заставила себя подняться.

Правило номер один для Навигатора в чужом сне: не паниковать. Сон всегда реагирует на страх. Чем ты спокойнее, тем незаметнее. Правило номер два: найти якорный объект и убираться к чёртовой матери.

Она прикрыла глаза и выдохнула, активируя внутреннюю навигацию — ту самую способность, за которую её и взяли на престижный факультет. Сейчас она увидит свой «обратный маячок», который оставила в реальности, и сбежит, пока хозяин сна её не заметил. Но вместо знакомого зелёного огонька перед внутренним взором вспыхнул красный. Запретительный.

Вернуться нельзя.

— Что?..

Паника начала подниматься откуда-то из живота, липкая и холодная. Восемь лет обучения, сотни тренировочных вторжений — и ни разу её не блокировали так... так абсолютно.

— Интересно, — раздался бархатный, обволакивающий голос откуда-то из тени за тронем. — Обычно мои сны не балуют меня гостями. Особенно такими невоспитанными, что являются без приглашения.

Алиса замерла. Сердце ухнуло в пятки и осталось там, явно решив не присутствовать при дальнейшем развитии событий. Из тени вышел мужчина. Высокий, широкоплечий, в идеально скроенном чёрном костюме, который в этой готической обстановке смотрелся до жути уместно. Тёмные волосы зачёсаны назад, открывая высокий лоб и острые скулы. Глаза — серые, холодные, как сталь клинка, и в этот момент они смотрели прямо на неё. С интересом. С голодным интересом, от которого у Алисы перехватило дыхание.

Ректор Дарион Вэлл. Лорд-Кошмар собственной персоной.

Она была на его инаугурации две недели назад. Сидела в пятом ряду, жевала яблоко и гадала, сколько лет этому загадочному типу, занявшему пост после странной отставки прежнего ректора. Тогда он показался ей просто красивым мужчиной с холодным взглядом. Сейчас, в его собственном подсознании, он выглядел как древнее божество, которое заскучало и решило развлечься с заблудшей смертной.

— Магистр Вэлл, — выдавила она, делая шаг назад. — Это... это не то, что вы подумали!

— Правда? — он медленно, по-хозяйски неторопливо обошёл её по дуге, и Алиса кожей ощутила его взгляд. — А что я, по-твоему, думаю? Что одна из моих студенток, нарушив около дюжины правил Академии, пыталась вторгнуться в чужое сознание, но по ошибке попала в моё?

Он остановился. Очень близко. Алиса чувствовала жар

его тела, хотя это был сон. Или не совсем сон. Вблизи его глаза оказались не просто серыми — в них плясали серебряные искры, словно жидкий металл.

— Или ты думаешь, что я решу, будто ты специально выбрала меня?

От его голоса по позвоночнику пробежала предательская дрожь. Не от страха. От чего-то совсем другого.

— Я целилась в Лекса! — выпалила Алиса раньше, чем подумала. — В друга! Мы просто хотели пошутить! Подбросить ему сон про... про...

— Про? — ректор приподнял бровь, и в его взгляде мелькнуло веселье. Злое, опасное веселье.

— Про профессора нумерологии в женском белье, — обречённо закончила она.

Повисла пауза.

Ректор моргнул. Серебристые искры в его глазах полыхнули ярче. А потом в тронном зале раздался низкий, роко-чущий смех. Он смеялся — но Алисе от этого стало только страшнее.

— Студентка с факультета Навигации, — произнёс он, отсмеявшись, — решила использовать сложнейшую технику ментального проникновения ради того, чтобы подбросить другу пошлую шутку? Либо ты гений, либо просто не понимаешь, с чем играешь.

Он шагнул ещё ближе, и теперь между ними осталось едва ли полметра.

— Знаешь, какое наказание полагается за несанкционированное вторжение? Особенно в мой сон?

— Исключение? — прошептала Алиса, глядя ему в грудь, потому что поднять взгляд выше не хватало духу.

— Хуже, — выдохнул он ей в макушку. — Остаться здесь. Со мной. Навсегда.

Его рука поднялась и коснулась её подбородка, заставляя запрокинуть голову. Их взгляды встретились, и Алиса с ужасом и каким-то постыдным, совершенно непрофессиональным волнением поняла, что он не лжёт. Вернее, лжёт — но только наполовину. Наказание действительно существует. Но его глаза говорили: «Я просто хочу посмотреть, как ты будешь реагировать».

А реагировала она непростительно. Щёки горели, колени подкашивались, а в голове вертелась совершенно неуместная мысль: «Почему во сне может так вкусно пахнуть мужским парфюмом?»

— Но я дам тебе шанс, — вдруг сказал он, отпуская её и отступая. — Скажи, зачем ты на самом деле здесь. И не лги. Это мой сон. Я чувствую чужую ложь так же, как ты чувствуешь своё сердцебиение.

Алиса сглотнула. Её взгляд упал на трон. На его подлокотнике лежала небольшая резная шкатулка, которой минутой назад там точно не было. Чёрное дерево, серебряные уг-

лы, руна в виде перевёрнутого глаза.

— Я... — начала она и осеклась.

Потому что в этот момент её амулет на запястье вспыхнул ярким светом. Аварийный протокол. Кто-то в реальности пытался её разбудить. Ректор тоже заметил это. Его брови сошлись к переносице.

— Твой амулет. Откуда он у тебя?

Но ответить Алиса не успела. Сон схлопнулся, сменяя реальность в точку, и её выбросило обратно — в собственное тело, в собственную кровать, в холодный пот и с диким криком, застрявшим в горле. Она лежала на мокрых простынях, глядя в потолок общежитской комнаты, и пыталась восстановить дыхание. В дверь уже колотили. Судя по голосу — Лекс.

— Алиса! Алиса, открой! Что случилось?!

Она села, трясущейся рукой откидывая прилипшие ко лбу волосы. Амулет на запястье всё ещё был горячим. И пульсировал не её привычным зелёным, а тусклым серебряным светом.

Точно таким же, каким светились глаза ректора.

— Лекс, — прохрипела она. — У нас большие проблемы.

— Ты проникла в чей-то сон?! — донёсся его приглушённый голос из-за двери. — Алиса, я же просил прекратить эти эксперименты! Чей сон? Что ты видела?

Она ещё раз взглянула на амулет. В голове всплыл образ шкатулки с перевёрнутым глазом. И голос ректора: «Откуда он у тебя?»

— Я не знаю, чей это был сон, — соврала она, понимая, что начинается игра, правил которой она пока совсем не понимает. — Кажется... кажется, ничей. Просто кошмар.

За дверью повисло молчание.

— Я никому не дам тебя в обиду, — тихо, но твёрдо произнёс Лекс. — Ты же знаешь.

Она знала. И именно поэтому не могла рассказать ему правду. Потому что если ректор начнёт искать виновного, Лекс, как верный Страж, попытается её защитить. А с таким противником, как Дарион Вэлл, это будет стоить ему карьеры. А может, и рассудка. В кармане пижамных штанов завибрировал телефон. Одно новое сообщение с неизвестного номера. Алиса открыла его и похолодела.

«Студентка Эш, жду вас завтра в 8:00 в моём кабинете. Нам нужно обсудить вашу... шутку. И не берите с собой друга.

Ему не понравится то, что я скажу. — Д.В.»

Она уронила телефон на кровать. Снизу, на полу, лежал её конспект по «Искусству маскировки в чужом подсознании».

На полях было выведено её же рукой: «Главное правило: не попадаться. Если попался — не признаваться. Если признался — не подписывать никаких бумаг».

Алиса перевернула страницу. На обратной стороне, свежей руной, которой она точно не писала, горели слова:

«В моём сне бумаги не нужны. Там достаточно слова. И ты уже кое-что пообещала, когда посмотрела на шкатулку. До завтра, маленькая Навигатор».

А в тёмном кабинете на верхнем этаже главной башни ректор Дарион Вэлл открыл глаза, выходя из медитативного сна. На его губах играла лёгкая улыбка.

— Алиса Эш, — проговорил он в пустоту, пробуя имя на вкус. — Второй курс. Любимый предмет — «Синхронизация с объектом». Главная проблема — неспособность вовремя остановиться.

Он поднялся и подошёл к окну. Внизу, в общежитском корпусе, в одном из окон всё ещё горел свет.

— И амулет моей матери на запястье.

Он сжал кулак. Серебристые искры в его глазах вспыхнули и погасли.

— Кто ты такая? И почему воруешь то, что должно было быть уничтожено десять лет назад?

За окном занимался рассвет. В Академии Сомния начался новый день, который обещал стать для Алисы Эш самым длинным в её жизни. А может, и последним — если она не выяснит, что за шкатулку видела в подсознании ректора, и почему он смотрел на неё так, словно прямо перед ним за одну секунду разгадали его самый страшный секрет.

И самый тёмный фетиш. Что, впрочем, для Лорда-Кошмара могло оказаться одним и тем же.

Глава 2. Чай с привкусом дыма

Ровно в 7:45 Алиса стояла перед дверью ректорского кабинета и пыталась убедить себя, что кофе, который она выпила залпом, был достаточным завтраком. Сердце колотилось где-то в горле, а амулет на запястье — теперь уже её личное проклятие — то нагревался, то холодел, словно живое существо, которое тоже нервничало.

Лекс, разумеется, увязался следом. Всю дорогу от общезнания он шёл на полшага позади, выдерживая дистанцию телохранителя из дешёвого романа, и молчал. Его молчание было красноречивее любой лекции по «Тактике астрального боя». Оно означало: «Я знаю, что ты мне врёшь, я знаю, что ты влипла, и я всё равно пойду за тобой хоть в Разлом, хоть в ректорскую приёмную».

— Дальше я сама, — сказала она, не оборачиваясь.

— Алиса...

— Лекс. — Она всё-таки повернулась и посмотрела ему в глаза. Утреннее солнце золотило его растрёпанные волосы, и

от этого он выглядел ещё более несчастным и влюблённым, чем обычно. — Ты мой лучший друг. И ты мне нужен живым и не исключённым. Обещай, что не будешь ломиться в дверь раньше, чем через пятнадцать минут.

— Десять, — упрямо сказал он.

— Двенадцать.

— Тринадцать, — он скрестил руки на груди. — Торг здесь неуместен.

— Идёт. — Она тяжело вздохнула. — Но если через тринадцать минут я не выйду и не пришлю тебе весточку, можешь ломать дверь. Но на четырнадцатой минуте. Не раньше.

— Договорились.

Она выдохнула и толкнула тяжёлую дубовую дверь. Кабинет ректора Вэлла разительно отличался от того, что она ожидала увидеть. Никаких готических тронов, никакого дышащего камня. Вместо этого — огромное пространство, залитое утренним светом из панорамных окон, книжные шка-

фы от пола до потолка, наполненные не только фолиантами, но и кристаллическими накопителями снов, мерцавшими мягким голубым светом. На одной из полок стояла модель Солнечной системы, где вместо планет вращались миниатюрные сферы чужих подсознаний — Алиса узнала их по характерному перламутровому свечению. И запах. Тот самый — грозы и дорогого табака. Но к нему примешивалось что-то ещё: аромат свежесваренного чая. Ректор сидел за массивным столом из чёрного дерева и что-то писал в толстом журнале. Без пиджака, в белоснежной рубашке с закатанными до локтей рукавами. На запястье блеснул серебряный браслет — такой же, как у неё, но древнее, массивнее. Алиса замерла на полпути.

— Проходите, студентка Эш. — Он не поднял головы, продолжая писать. — Чай готов. Берите чашку. Разговор предстоит долгий, и я предпочитаю, чтобы мои собеседники не падали в обморок от обезвоживания.

— Я не падаю в обмороки, — сказала Алиса, но к чайному столику подошла. Чашка была тонкого фарфора, почти невесомая, с ручной росписью: перевёрнутый глаз, точь-в-точь как на шкатулке.

Она замерла с чашкой в руке.

— Садитесь, — ректор наконец отложил перо и поднял взгляд. Сегодня его глаза были не серебристыми с искрами, а глубокого серого цвета, как небо перед грозой. Никакой магии, никакого наведённого страха. Только спокойный, изучающий взгляд учёного, который смотрит на интересный образец. — Я ценю пунктуальность. Особенно когда она сопровождается таким занимательным букетом эмоций. Страх, любопытство, влечение, чувство вины и... — он прищурился, — бунтарство. Вы пришли сюда, уже решив, что будете отрицать всё до последнего, даже если я покажу вам запись вашего вторжения.

Алиса села на стул для посетителей — жёсткий, с прямой спинкой, словно специально созданный для допросов.

— Записи не существует, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Сон не оставляет следов, если только его специально не записали. А вы не успели.

— Верно. — Он кивнул с таким видом, словно она только что сдала первый экзамен. — Но вы сами подтвердили, что

знаете правила. Следовательно, сознательно их нарушили. Что приводит меня к трём вопросам. — Он поднялся, обошёл стол и присел на его край, оказываясь почти напротив неё. — Первый: почему вы выбрали мишенью своего друга? Второй: откуда у вас этот амулет? И третий, самый интересный: что вы видели в моём сне до моего появления?

Алиса сделала глоток чая, чтобы выиграть время. Чай был неожиданно вкусным — с нотами бергамота и какой-то пряной горечи. И в нём не чувствовалось ни яда, ни сыворотки правды. Кажется.

— По порядку? — уточнила она, пытаясь изобразить беспечность. — Первое: Лекс — мой друг, я хотела подшутить. Невинная студенческая шалость. Второе: амулет я одолжила у старшекурсника. Сказали, что он настроен на ментальную сигнатуру Лекса. Очевидно, соврали. Третье: ничего. Я упала в ваш тронный зал, увидела трон, испугалась, и тут вышли вы.

— Ложь. — Ректор произнёс это беззлобно, почти лениво. — Не вся, но значительная часть. Давайте разбирать. Начнём с «одолжила у старшекурсника». Я просканировал ауру амулета сегодня ночью после вашего ухода. Ему не меньше

тридцати лет, и он настроен на кровь. Конкретно на кровь рода Вэлл. — Он поднял руку, демонстрируя свой браслет. — Видите? Я ношу такой же. Это артефакт Лии Вэлл, моей матери, которая погибла семнадцать лет назад. Все её вещи были уничтожены или опечатаны. Кроме этого амулета, который исчез. И вот он на запястье второкурсницы, которая, по официальным данным, вообще не связана ни с одной из магических династий.

Алиса перестала дышать.

— А теперь скажите мне, — ректор наклонился чуть вперёд, и голос его стал мягче, но от этого только страшнее, — кто дал вам этот амулет? Потому что если вы скажете правду, я смогу вам помочь. А если продолжите лгать, я буду вынужден защищать не только себя, но и память моей матери, и поверьте, методы у меня куда менее приятные, чем чай.

Она молчала. В голове билась одна мысль: старшекурсник, у которого она брала амулет, — парень по имени Торан. Обычный парень. Всегда носил тёмные очки, говорил, что светобоязнь. Он дал ей амулет бесплатно, сказал «потом сочтёмся». И теперь она понимала, что «потом» наступило.

— Я не знаю его настоящего имени, — она сама удивилась тому, что говорит правду. — Он представился Тораном. Сказал, что это просто старый локатор, который ему больше не нужен. Я поверила. Я дура.

— Дура, — согласился ректор спокойно. — Но не лжёте. Уже прогресс. Опишите его.

— Высокий, худой, волосы русые, всегда в очках. Говорил тихо, много улыбался. Мы встречались в библиотеке, в отделе запрещённой литературы. Он сам подошёл ко мне две недели назад.

Ректор помолчал, глядя куда-то сквозь неё. Потом вдруг усмехнулся.

— Забавно. Две недели назад я стал ректором. Тогда же в Академии начали появляться люди, которых я не могу отследить. И теперь вы — с амулетом моей матери — почти проникаете в моё подсознание. Случайность?

— Случайность, — прошептала Алиса.

— Случайностей не бывает, студентка Эш. Есть только плохо продуманные планы и хорошо продуманные провокации. Вы — инструмент. Вас использовали, чтобы проверить мою бдительность. Или хуже — чтобы вы украли что-то из моего сна. — Он вдруг замер. — Что вы видели до моего появления? Был там какой-то предмет? Что-то, чего во сне быть не должно?

Шкатулка. Перевернутый глаз. Алиса помедлила ровно секунду — и этого хватило.

— Шкатулка, — сказал ректор сам. — Вы видели шкатулку. Ваши зрачки расширились, когда вы о ней вспомнили. — Он отошёл к окну, встал спиной, сцепив руки за спиной. — В моём сне нет ничего случайного, Эш. Каждая деталь — часть моего подсознания. Шкатулка, которую вы видели, — это не просто образ. Это ключ к тому, что я прячу даже от самого себя.

— Что в ней? — рискнула спросить Алиса.

— Я не знаю. В том и проблема. — Он обернулся. — Понимаете теперь, почему ваше вторжение не просто шалость?

Вы случайно задели единственную нить, которая связывает меня с моим же прошлым. И тот, кто дал вам амулет, знал, что так будет.

Алиса отставила чашку. Руки дрожали.

— Что теперь? Вы сдадите меня в Ментальный Трибунал?

— Боже упаси. — Ректор вернулся к столу и снова сел. — Вы — мой единственный свидетель. Единственный человек, который видел эту шкатулку в моём сне и запомнил её. Я пытался вызвать этот образ осознанно — не получается. Моё подсознание ставит блок. А вы пробили его случайно, потому что амулет моей матери признал в вас что-то, чего я пока не понимаю. — Он помолчал. — Поэтому у меня к вам предложение.

— Какое?

— Вы будете работать на меня. Негласно. Я не буду вас наказывать, более того — я прикрою ваше незаконное вторжение. А вы поможете мне выяснить, кто стоит за этим Тораном и что скрыто в моём подсознании. И, возможно, заодно узнаем, почему амулет крови моего рода вас не отторг.

Алиса смотрела на него во все глаза. Всё происходящее было безумным. Ещё вчера она была обычной студенткой, которая планировала глупый розыгрыш. Сегодня она — за-вербованный агент ректора-Лорда-Кошмара, который, кажется, единственный во всей Академии не пытается её запугать, а говорит с ней как с равной.

— А если я откажусь? — спросила она тихо.

— Тогда вы пойдёте на завтрак к Лексу, будете делать вид, что ничего не случилось, и через три дня ваш друг Торан снова выйдет на связь. И в следующий раз он попросит вас не просто «заглянуть» в мой сон, а что-то оттуда вынести. И вы это сделаете, потому что будете думать, что это безобидно. А потом мы встретимся при гораздо худших обстоятельствах, и я уже не смогу быть таким любезным.

Логика была безупречной. И это бесило.

— Вы специально так всё рассчитываете? — вырвалось у неё. — Чтобы у меня не было выбора?

— У вас есть выбор. — Он улыбнулся уголками губ. — Но вы умная девушка, а умные девушки выбирают сотрудничество с тем, кто не врёт им в первом же разговоре. Я не обещаю вам безопасности, но я обещаю вам правду. Такой, какая она есть.

Алиса встала. Она была разбита, но странным образом чувствовала себя живее, чем когда-либо.

— Что я должна делать?

— Для начала — прекратить использовать этот амулет. Он настроен на меня, и ваши ментальные следы путаются с моими. Если вы ещё раз попытаетесь проникнуть в чей-то сон с ним, вы снова попадёте ко мне. И не факт, что в следующий раз я смогу вас отпустить. — Он пододвинул к ней лист бумаги. — Здесь адрес артефактора, которому я доверяю. Он снимет привязку и сделает амулет безопасным. Скажете, что прислал Вэлл.

Алиса взяла листок.

— И второе. Выясните всё, что сможете, о Торане. Осторожно. Не через Лекса — он слишком предсказуем, и его эмоции будут вас выдавать. Найдите того, кто сможет распознать ложь в библиотечных записях.

Алиса кивнула, запихивая листок в карман.

— И третье, — ректор вдруг оказался совсем близко, она даже не заметила, как он подошёл. Его пальцы коснулись её подбородка точь-в-точь как во сне — но теперь это было реальностью, и от этого всё внутри перевернулось. — Если вы хоть раз, хоть на секунду задумаетесь о том, чтобы предать меня, просто вспомните, что именно вы чувствовали вчера в тронном зале. Страх и возбуждение ходят по одним нервным путям, Эш. И вы их уже перепутали.

Он отпустил её так же резко, как и коснулся. Алиса стояла, не в силах пошевелиться, чувствуя, как предательский румянец заликает щёки.

И вот тут-то дверь и слетела с петель.

Нет, не в переносном смысле. Абсолютно в прямом. Тяжёлая дубовая дверь, которой, по слухам, было лет триста, с грохотом рухнула внутрь кабинета, подняв облако пыли и вырвав из пола изрядный кусок паркета.

В проёме, тяжело дыша и сжимая кулаки, стоял Лекс. Его аура сияла боевым золотом — он явно готовил какое-то закливание, судя по искрам, что стекали с пальцев, что-то из арсенала «ментального подавления». Лицо у него было перекослено от ярости и ужаса.

— Алиса! — рявкнул он, делая шаг в кабинет и заслоняя её собой. — Тринадцать минут и сорок семь секунд! Я засёк! Отойди от неё, ректор, или я...

Он замер.

Потому что ректор Вэлл не сделал ни одного угрожающего движения. Он стоял в расслабленной позе у окна, уже на добрых два метра от Алисы (потому что отпустил её рань-

ше), с чашкой чая в руке и выражением лёгкой, едва заметной скуки на лице. Бровь ректора изогнулась.

Пыль медленно оседала. Паркет жалобно скрипел под упавшей дверью.

— Студент... — ректор сделал паузу, будто вспоминая. —
Лекс Карв

ен, факультет Ментальной Фортификации, второй курс.
Специализация — защитные барьеры. Средний балл — 4,2.
Любимое оружие в астрале — щит-клинок двойного действия. Верно?

Лекс моргнул. Его боевая стойка немного просела.

— Я... да, но...

— Вы опоздали на сорок семь секунд. — Ректор сделал глоток чая. — Ваш друг сказала «четырнадцать минут», и она бы уже вышла через десять секунд, если бы вы не снесли дверь. А теперь у меня дыра в полу, которую я вычту из ва-

шей стипендии, и нарушение трёх пунктов устава Академии: порча имущества, несанкционированная боевая активация и... — он перевёл взгляд на Алису, в котором мелькнула искра почти что нежного сарказма, — спасение дамы, которая не просила о спасении.

— Я... — Лекс покраснел до корней волос. Золотое сияние вокруг его кулаков погасло с тихим «пф-ф». — Она слишком долго не выходила, я подумал...

— Что я ем студенток на завтрак. — Ректор допил чай и поставил чашку на стол. — Это весьма лестная репутация, но, увы, не соответствующая действительности. Я предпочитаю тосты с авокадо. А теперь, раз уж вы прервали нашу приватную беседу столь эффектным образом, могу я предложить вам чаю, пока вы подсчитываете, во сколько вам обойдётся реставрация двери восемнадцатого века?

— Чаю? — тупо переспросил Лекс. Он всё ещё стоял в боевой позе, но теперь это было похоже на позу человека, которого ударили по голове энциклопедией и он ещё не понял, жив ли.

— Чаю, — подтвердил ректор. — Бергамот. Свежезаваренный. Судя по вашему цвету лица, вам не помешает. Или, может быть, что-то покрепче? Не в смысле алкоголя, а в

смысле успокоительного. Студентка Эш, посоветуйте своему другу сесть, пока он не сломал что-нибудь ещё.

Алиса, которая всё это время стояла с лицом, выражавшим смесь ужаса, стыда и неконтролируемого желания провалиться сквозь землю, наконец обрела дар речи.

— Лекс, — сказала она голосом, каким разговаривают с перепуганными щенками, — я в порядке. Правда. Мы просто разговаривали. Ты снёс дверь зря.

— Зря? — Лекс перевёл взгляд с ректора на неё, потом обратно. — Но ты сказала «двенадцать минут»! А потом мы договорились на тринадцать! И там был этот ваш взгляд, и ты покраснела, и...

— Она обожглась чаем, — сказал ректор с абсолютно каменным лицом.

— Да! — слишком поспешно подтвердила Алиса. — Обожглась! Чаем! Ты же знаешь, я ненавижу чай, и он был горячий, вот я и покраснела.

Лекс подозрительно сощурился. Потом посмотрел на

чашку в руке Алисы. Потом на свои испачканные в пыли ботинки. Потом на дверь, лежащую на полу. Потом опять на ректора.

— Так вы её не... того? — он сделал неопределённый жест рукой.

— «Того» — очень точный юридический термин, — кивнул ректор. — Нет, я её не «того». Более того, я даже ни разу не повысил голос и не угрожал ей Ментальным Трибуналом. Хотя имел полное право. Вы, Карвен, напротив, только что продемонстрировали именно то поведение, от которого ваш факультет должен защищать других. Агрессивная реакция без оценки ситуации.

Лекс опустил голову. Уши у него горели так, что, казалось, ещё немного — и пойдёт дым.

— Я... извините, — пробормотал он.

— Громче, — сказал ректор.

— Извините, магистр Вэлл!

— Принято. — Ректор прошёл к столу и что-то черкнул в журнале. — За дверь — отработка, три недели в библиотеке, отдел реставрации. Заодно изучите «Историю Академической Архитектуры» — вам пойдёт на пользу. А теперь...

— А теперь мы пойдём, — быстро сказала Алиса, хватая Лекса за рукав. — У нас занятия. Профессор Грейвс. «Прокладка маршрутов». Очень важная лекция. Спасибо за чай, магистр Вэлл!

И она потащила Лекса к выходу, точнее, к тому, что от него осталось.

— Студентка Эш, — окликнул её ректор, когда она перешагивала через обломки.

Она обернулась.

— Не забудьте то, о чём мы договорились. — В его глазах снова мелькнули серебристые искры — или ей показалось? — И зайдите после обеда к артефактору. Сегодня.

— Зайду, — выдохнула она и вытолкала Лекса в коридор.

Когда они отошли на безопасное расстояние, Лекс остановился и уткнулся лбом в ближайшую стену.

— Я снёс дверь ректору, — произнёс он глухо, в камни.
— Я активировал щит. В кабинете. Перед чаем.

— Ты не просто её снёс, — Алиса не выдержала и фыркнула. — Ты эффектно её выбил. Очень кинематографично. Если бы там был кто-то ещё, тебе бы аплодировали.

— Не смешно.

— Очень смешно. — Она вдруг хихикнула, а потом рассмеялась в голос, чувствуя, как напряжение последних суток выходит наружу истерическим смехом. — Лекс, ты выбил дверь, потому что я не вышла из кабинета вовремя. Как в плохом любовном романе. Только в плохом любовном романе ректор — злодей, а у нас он предложил тебе чай и выписал отработку.

Лекс оторвал лоб от стены и посмотрел на неё страдальческим взглядом.

— Алиса, что между вами происходит?

И вот тут ей пришлось снова вспомнить, что она пообещала ректору не рассказывать Лексу. Что она теперь работает на Лорда-Кошмара. Что амулет на её запястье — ключ к давней трагедии. Что Торан — враг, а она — завербованный агент.

— Ничего, — сказала она и, заметив его взгляд, быстро добавила: — Ну, почти ничего. Он просто спросил, что я видела в его сне. Я сказала, что ничего. Он поверил. Вот и всё.

— Он поверил? — Лекс нахмурился. — Просто так?

— Ага. Сказал, что я слишком глупая, чтобы иметь злой умысел.

— Это похоже на правду.

— Эй!

— Нет, я в хорошем смысле! — Он наконец улыбнулся — криво, но искренне. — Ладно. Пойдём на «Прокладку маршрутов».

— Пошли, — сказала она. — Опаздываем.

И они побежали по коридору — впереди Алиса, за ней Лекс, как всегда на полшага позади. Словно ничего не изменилось. Но многое изменилось. На запястье всё ещё был горячий амулет. В кармане — адрес артефактора. А в голове — слова ректора: «Страх и возбуждение ходят по одним нервным путям, Эш. И вы их уже перепутали». Она поймала себя на том, что улыбается, и тут же заставила себя перестать.

Глава 3. Неудобные переменные

За тринадцать минут до того, как дверь слетела с петель.

Дарион Вэлл смотрел на закрытую дверь и думал о том, что студентка Эш войдёт ровно через минуту. Он не сомне-

вался в пунктуальности Навигаторов — их учили ценить время, потому что в чужом сне каждая лишняя секунда может стоить рассудка. Она войдёт, сядет на стул с прямой спинкой и будет врать. Он знал это так же точно, как и то, что чай уже заваривается. Девочка не понимает, во что ввязалась. Но это даже к лучшему: испуганный инструмент работает точнее, чем осведомлённый. Он отложил перо и перечитал только что сделанную запись в личном журнале — не в официальном, разумеется, а в том, что был спрятан за фальшивым корешком «Истории ментальных эпидемий». «Объект: студентка Эш А., факультет Навигации. Вторжение зафиксировано в 02:47. Использован амулет крови Вэлл. Предположительно — украденный экземпляр №4 из опечатанного архива. Объект не осознаёт природу артефакта. Ведома третьим лицом. Рекомендация: вербовка, наблюдение, выявление кукловода».

Сухо. Профессионально. И ни слова о том, что он почувствовал, когда увидел её — коленопреклонённую, испуганную, но с горящими любопытством глазами — в своём собственном подсознании. Ни слова о том, что её страх пах корицей и мятой. Ни слова о том, что на секунду, всего на одну проклятую секунду, его сон, всегда подвластный ему как боевой клинок, вышел из-под контроля и начал выстраивать сценарий, который совсем не предназначался для посторон-

них.

Он усилием воли прогнал воспоминание. Не сейчас.

Стук в дверь. Ровно в 7:45.

— Проходите.

Она вошла — и он сразу считал её состояние. Профессиональная привычка, отточенная годами службы в Разломе: считывать ауру, прежде чем смотреть в глаза. Страх — тёмно-синяя волна, перебиваемая золотыми искрами любопытства. Чувство вины — серый налёт. И та самая, едва заметная алая нить — возбуждение, которое она сама от себя гнала. Интересно. Он не поднял головы, продолжая писать. Пусть постоит. Пусть увидит кабинет — светлый, рациональный, совсем не похожий на готический зал из его сна. Пусть гадает, кто он на самом деле: Лорд-Кошмар из страшилок или тот, кто держит на полке модель Солнечной системы из чужих снов.

Алиса Эш была хороша. Не той броской красотой, что заставляет оборачиваться на улице, а той, что проявляется в движении: острый подбородок, упрямая складка губ, растрёпанная коса, которую она явно заплетала второпях. И глаза — серо-зелёные, как море перед штормом, которые смотрели на него с вызовом, несмотря на весь её страх.

Она взяла чашку. Заметила символ — перевёрнутый глаз. Замерла. Хорошо. Он намеренно поставил этот сервиз, чтобы проверить реакцию. Она узнала знак — значит, действительно видела шкатулку.

Разговор шёл по плану. Ложь, которую он ожидал. Частичная правда, которую он выжал. Имя «Торан» — оно ни о чём ему не говорило, но это было уже что-то. А потом она замялась, и он понял про шкатулку. Чёртова шкатулка, которую он сам не видел семнадцать лет, потому что собственноручно стёр себе память о том, что в ней лежит. И вот является второкурсница с амулетом его мёртвой матери и спокойно описывает предмет, который он не может вызвать даже в осознанном сновидении.

Это было унижительно. И невероятно ценно.

Он посмотрел на неё — и увидел не просто студентку, а ответ. Ответ на вопрос, который он боялся задать. Её профиль в утреннем свете, то, как она сжимала чашку, как пульсировала жилка на виске, — всё это вдруг сложилось в опасную мысль: она не случайна. Амулет крови не принял бы случайного. В ней должно быть что-то, что роднит её с Лией Вэлл. И это что-то — ключ.

Он продолжил допрос. Она сказала правду — и он оценил это. Глупо было бы ожидать от второкурсницы шпионских талантов, но она держалась достойно. Не плакала, не умоляла. Торговалась. Спротивлялась, даже когда поняла, что проиграла. Это вызывало невольное уважение.

А потом он предложил ей работать на него — и увидел, как в её глазах мелькнуло что-то, чего он не ожидал. Не только страх и не только облегчение. Азарт. Она была из тех, кто любит опасность.

Плохо, — подумал он. Очень плохо. Потому что таких сложнее контролировать. И потому что они нравятся мне больше, чем следует. Он подошёл к ней ближе, чем требо-

валось. Он знал это. Знал, что нарушает собственное правило дистанции. Но ему вдруг захотелось проверить, как она отреагирует. Коснулся её подбородка — точь-в-точь как во сне. И увидел то, что и ожидал: расширенные зрачки, учатившееся дыхание, румянец. Её тело говорило на языке, который она не контролировала.

«Страх и возбуждение ходят по одним нервным путям, Эш. И вы их уже перепутали».

Он сам не знал, зачем сказал это. Возможно, чтобы напомнить себе. Потому что на секунду — всего на одну — он тоже их перепутал.

Отпустил. Отошёл к окну. Вернул себе контроль.

И тут дверь рухнула.

Минута сорок седьмого хаоса

Дарион Вэлл видел многое. Провалы в Разломе, где сны умирающих миров сочились в реальность. Ментальные дуэли, где противники вырывали друг другу подсознание. Допросы, где он сам был по ту сторону.

Но зрелище второкурсника факультета Фортификации, который выносит дубовую дверь восемнадцатого века в порыве защиты подруги, определённо войдёт в личный список самого абсурдного, что он наблюдал. Лекс Карвен. Он помнил это имя — и не только потому, что ректор обязан знать всех студентов. Карвен был талантлив. Его щит-клинок двойного действия на последнем экзамене показал лучший результат среди второкурсников. Преподаватели характеризовали его как «перспективного, но излишне эмоционального». Сейчас Дарион видел эту характеристику во плоти: парень стоял, тяжело дыша, с руками, полными боевой энергии, и лицом человека, который только что осознал, что совершил непоправимую глупость, но ещё надеется, что всё обойдётся.

Дарион подавил желание рассмеяться. Не потому, что ситуация была смешной — хотя она была. А потому, что на секунду он увидел в этом мальчишке себя. Себя семнадцать лет назад, когда он точно так же стоял перед дверью спальни

матери, не в силах её открыть, хотя уже знал, что внутри — тишина.

Он отогнал воспоминание.

— Студент Карвен, — произнёс он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Вы опоздали на сорок семь секунд.

Дальше был спектакль. Он разыграл его идеально: чай, отработка, лёгкий сарказм. Парень покраснел, сдулся и превратился в растерянного щенка, которого отчитал хозяин. Это было даже мило.

Но Дарион отметил главное: Карвен влюблён. Не просто влюблён — предан до мозга костей. Он готов крушить двери и нарушать устав, защищая девушку, которая, судя по всему, держит его во френдзоне. Это делало его предсказуемым. А значит — полезным. Или опасным, если его эмоции направят в другое русло. Когда Алиса потащила Лекса к выходу, Дарион уже просчитывал, как использовать эту связь. Карвен — потенциальный канал воздействия на Эш. Если потребуется надавить на неё, достаточно будет намекнуть,

что её друг может пострадать. Она тут же сделает всё, что нужно. Это было цинично, но эффективно.

Ты становишься похожим на тех, кого ненавидишь, — сказал он себе и отмахнулся от этой мысли.

Сейчас.

Дверь лежала на полу. Паркет был испорчен. В воздухе ещё витал запах озона от боевого заклинания Лекса — и едва заметный, почти исчезнувший аромат корицы и мяты.

Дарион остался один.

Он подошёл к тому месту, где стояла Алиса, когда он коснулся её. Её запах ещё держался. И её страх тоже — тонкий, почти неосязаемый след в ментальной атмосфере. Страх, смешанный с любопытством. И с чем-то ещё.

— Дурак, — сказал он вслух. Себе.

Потому что он, Дарион Вэлл, бывший дознаватель Разлома, мастер ментальной защиты и специалист по тёмным искусствам подсознания, только что совершил непростительную ошибку. Он дал понять девчонке-второкурснице, что она его заинтересовала. Не как инструмент.

Он опустил в кресло и закрыл глаза. Ему нужно было подумать. Спокойно, рационально, без этой досадной алой нити, которая теперь пульсировала где-то в глубине его собственной ауры.

Что у него есть?

Первое: амулет матери. Третий из пяти, все считались уничтоженными. Если четвёртый уцелел, значит, уцелел и кто-то из тех, кто стоял за её смертью. И этот кто-то — или кто-то, кто нашёл амулет, — подбросил его Алисе Эш. Зачем? Чтобы она проникла в его сон и увидела шкатулку. А дальше — либо ukrала бы её содержимое, либо, наоборот, что-то туда подбросила. Либо просто проверила, активен ли его ментальный блок.

Второе: Торан. Имя, скорее всего, вымышленное. Описание — слишком общее. «Русые волосы, тёмные очки, улыбочивый». Таких — пол-Академии. Но это зацепка. Он поручит своему человеку в библиотеке проверить записи.

Третье: сама Алиса Эш. Навигатор с блестящими способностями — она пробила его защиту, пусть и с амулетом, но это требует исключительного таланта. Упрямая, дерзкая, не умеющая вовремя останавливаться. И, что хуже всего, она ему нравилась.

Дарион вздохнул. Он не позволял себе увлечений со времён Разлома. Слишком опасно. Слишком много врагов, которые могут использовать любую привязанность. И вот теперь — девчонка, которая случайно влезла в его сон, случайно задела его прошлое и абсолютно не случайно пробудила в нём что-то, что он считал атрофированным.

«Страх и возбуждение ходят по одним нервным путям».

Как иронично. Он сказал это ей, а следовало бы напомнить себе. В дверном проёме (вернее, в том, что от него осталось) показалась тень. Не Лекс — тот бы уже шумел. Тень была тихой, профессиональной.

— Магистр Вэлл, — произнёс сухой голос. — Вы вызывали ремонтников?

— Вызывал, — ответил Дарион, не открывая глаз. — И заодно — службу безопасности. Пусть проверят всех студентов, кто за последние две недели брал в библиотеке книги по ментальным привязкам.

— Конкретный запрос?

— Парень по имени Торан. Или любой, кто носит тёмные очки. И ещё... — Он открыл глаза и посмотрел на дверь. — Пусть починят это побыстрее. У меня завтра приём с утра, и я не хочу, чтобы посетители думали, что я ем студентов на завтрак.

Тень хмыкнула и исчезла.

Дарион поднялся и подошёл к окну. Внизу, по аллее, шли двое: высокая тонкая фигурка с растрёпанной косой и широкоплечий парень, который то и дело дёргал головой, оглядываясь на башню. Эш и Карвен. Навигатор и Страж. Девушка, которая видела его главную тайну, и парень, который готов снести любую дверь, чтобы её защитить.

Дарион усмехнулся.

— Что ж, студентка Эш, — произнёс он в пустоту, — вы даже не представляете, в какой интересной игре оказались. И насколько ценным игроком.

Он отвернулся от окна и достал из ящика стола тонкую папку. На ней значилось: «Эш, Алиса. Личное дело. Копия для ректора». Он открыл её и начал читать. Завтра ему предстояло выяснить, почему амулет крови Вэлл признал эту девушку.

А послезавтра — найти Торана, пока тот не понял, что его план раскрыт.

И между делом — разобраться с собственной головой, которая почему-то продолжала воспроизводить картинку: Алиса Эш на коленях в его тронном зале, и запах корицы, и её расширенные зрачки.

— Определённо дурак, — повторил он и перевернул страницу.

Визуалы

Ректор Дарион Вэлл

Лекс Карвен

Алиса Эш

Глава 4. Точка невозврата

Настоящее

Я сидела на подоконнике в общей гостиной общежития,

поджав ноги к груди, и смотрела, как за окном стужаются сумерки. Амулет — теперь уже безопасный, артефакторша сняла привязку, но оставила его мне («Скажешь ректору, что я отработала», — хмыкнула она) — холодил запястье. Я вертела его в пальцах и думала. Думать было больно. Но необходимо. Потому что весь сегодняшний день — от разгрома в ректорском кабинете до шёпота однокурсников за спиной — требовал ответа на вопрос: как я, Алиса Эш, девушка, чьим главным талантом было влипать в истории, оказалась в центре заговора, о котором не имела ни малейшего понятия?

Ответ начинался две недели назад. В библиотеке.

В Академии Сомния библиотека была отдельным государством. Три этажа книжных стеллажей, подвал с запрещённой литературой и чердак, где хранились кристаллические накопители снов, которые студентам трогать запрещалось под страхом отчисления. Но меня, разумеется, тянуло именно туда, куда нельзя. В тот день я сидела в отделе запрещённой литературы — у меня был официальный допуск, потому что Навигаторам полагалось изучать технику взлома ментальных барьеров, а это требовало доступа к особым текстам. Я читала старый трактат «О природе сопротивления подсознания» и тихо ненавидела автора за витиеватый слог.

— Тяжело идёт? — раздался тихий голос над ухом.

Я вздрогнула и подняла глаза. Рядом стоял парень — вы-

сокий, худой, с русыми волосами и тёмными очками, которые казались неуместными в полумраке библиотеки. Он улыбался — мягко, почти застенчиво.

— Не то слово, — буркнула я. — Такое ощущение, что автор платил за каждое прилагательное.

— Это старик Морвен, — парень присел на соседний стул. — У него все книги такие. Говорят, он сам страдал бессонницей и вымещал злость на студентах.

Я фыркнула. Парень протянул руку:

— Торан. Я со старшего курса, Навигация. Видел тебя на «Синхронизации с объектом» — ты единственная, кто не уснул на лекции про якорные маячки.

— Алиса, — я пожала его ладонь. — И я бы уснула, если бы профессор не орал так, что у меня амулет вибрировал.

Мы разговорились. Торан был странным — говорил тихо, много улыбался, но его улыбка никогда не доходила до глаз. Впрочем, из-за очков я вообще не могла понять, какие у него глаза. Он рассказывал о факультете, о преподавателях, о том, как трудно достать хороший локатор для практики. Я пожаловалась, что мой старый сломался, а новый стоит как крыло дракона.

И тогда он сказал:

— У меня есть один. Старый, но рабочий. Мне он больше не нужен. Могу отдать.

— Правда? — я недоверчиво прищурилась. — А в чём подвох?

— Никакого подвоха. — Он вытащил из кармана амулет — серебряная цепочка, лунный опал, тонкая вязь рун. — Просто я уезжаю через месяц, перевожусь в другую Академию. А эта вещь всё равно пылится. Бери.

Я колебалась ровно секунду. Амулет был красивый, явно старинный и наверняка мощный. И бесплатно. Здравый смысл кричал «нет», но любопытство — то самое, из-за которого я и попала на факультет Навигации, — уже мурлыкало «да».

— А что взамен? — спросила я.

— Потом сочтёмся, — он улыбнулся своей странной улыбкой. — Может, когда-нибудь поможешь мне с одним маленьким экспериментом.

Я согласилась. Вот так просто. Взяла амулет, спрятала в карман и забыла о предчувствии, которое на секунду кольнуло сердце.

Дура.

А ещё через два дня в Академии появился новый ректор.

Старый ректор, магистр Бэрроу, ушёл тихо и незаметно — объявили, что по состоянию здоровья. Никто не поверил. По Академии поползли слухи, один страшнее другого. Говорили, что молодой преемник — бывший дознаватель из Разлома, того самого, где сны сочатся в реальность и сводят людей с ума. Говорили, что он умеет проникать в чужие сны без амулетов и что его подсознание — лабиринт, из которого не возвращаются. Я впервые увидела его на инаугурации. Он стоял на сцене Актового зала, чёрный костюм, тяжёлый взгляд, и говорил коротко, рублено, не пытаясь никому понравиться.

— Моё имя Дарион Вэлл. Я ваш новый ректор. Правила меняются. Кто не согласен — может уйти сейчас.

Никто не ушёл. Но по рядам пробежала дрожь.

Я сидела в пятом ряду и не могла отвести от него глаз. Он был красив — той страшной, хищной красотой, от которой перехватывает дыхание и хочется одновременно приблизиться и убежать. Высокий, с зачёсанными назад тёмными волосами и серыми глазами, которые, казалось, видели

каждого в зале насквозь. На запястье блеснул серебряный браслет — такой же, какой теперь носила и я. Но главное было не в красоте. Главное было в том, что, когда наши взгляды на секунду встретились, у меня по спине пробежал холодок. Не от страха. От узнавания. Как будто мы уже виделись — и это «уже» не предвещало ничего хорошего. После инаугурации слухи расцвели буйным цветом. В столовой шептались, что новый ректор практикует запрещённые техники. В библиотеке — что он может войти в сон студента и заставить его делать что угодно. В общежитии — что в его кабинете пропадают люди, а их потом находят спящими в коридорах без воспоминаний.

А однажды вечером Лекс, бледный и взволнованный, сказал:

— Я слышал, он раньше работал в Разломе. Говорят, он вытаскивал информацию из пленных, и те сходили с ума. Алиса, держись от него подальше.

Я тогда посмеялась. Сказала, что великому и ужасному ректору нет дела до какой-то второкурсницы. И поверила в это. Как же я ошибалась.

Мы с Лексом выросли вместе. Познакомились, когда мне было семь, а ему восемь. Моя семья только переехала в го-

род, и я пошла в новую школу, где меня, разумеется, тут же начали дразнить — рыжая, конопатая, слишком громкая. Хотя , волосы у меня не были рыжими (если только на солнце) больше каштановые. Лекс был единственным, кто не смеялся. Он подошёл ко мне на перемене — большой, неуклюжий мальчишка с вечно растрёпанными волосами — и сказал:

— Хочешь, я с тобой дружить буду? У меня тоже друзей нет.

И стал.

Мы строили крепости из подушек, читали книжки про сновидцев и мечтали вместе поступить в Академию. Лекс всегда был рядом — когда я разбила коленку, когда меня обижали, когда я боялась темноты. Он был моей стеной, моим щитом, моим лучшим другом. Но где-то между четырнадцатью и шестнадцатью всё изменилось. Я заметила, что он смотрит на меня иначе. Дольше. Теплее. Иногда краснеет, когда мы случайно соприкасаемся руками. Его голос становился ниже, а комплименты — неуклюжими, но отчаянно искренними. Он никогда не говорил о своих чувствах. Но я знала. Всегда знала. И притворялась, что не замечаю, потому что боялась разрушить то единственное хорошее, что было в моей жизни. Когда мы поступили в Академию, стало только хуже. Лекс превратился в высокого, широкоплечего

красавца с открытым лицом и несокрушимой преданностью в глазах. Девушки заглядывались на него. А он заглядывался только на меня.

Это душило. И восхищало. И вызывало чувство вины.

Я не знала, что делать. И поэтому — поступила как последняя дура.

План

Идея пришла ко мне на лекции по «Искусству маскировки». Профессор рассказывал, как создавать в чужих снах образы-триггеры, вызывающие заданную реакцию. И в моей голове вдруг сложилось: если я проникну в сон Лекса и подброшу ему абсурдный, пошлый кошмар, он, может быть, отнесётся ко мне чуть легче? Перестанет смотреть как на хрустальную вазу, которую страшно уронить? Мы посмеёмся, и напряжение между нами немного разрядится. Да, признаю: план был идиотским. Но я убедила себя, что это безобидная шутка. Идея родилась мгновенно — профессор нумерологии, женское бельё, абсурдная ситуация. Именно тот сорт глупости, от которого Лекс должен был засмущаться, а потом, может быть, впервые за долгое время увидеть во мне не объект обожания, а просто друга. Друга-идиота, который лагает и шутит на грани фола — но друга. Я настроила аму-

лет, который дал Торан. Сверилась с таблицами ментальных сигнатур. Ввела координаты Лекса.

И прыгнула.

Остальное вы знаете.

Сейчас

Я сидела на подоконнике и вертела амулет в пальцах. Лекс уже ушёл на свою отработку — три недели в библиотечном отделе реставрации. Перед уходом он поймал меня в коридоре, взял за плечи и сказал:

— Что бы ни случилось, я на твоей стороне. Ты знаешь это?

— Знаю, — ответила я, потому что это было правдой.

И от этого было ещё стыднее. Потому что теперь, когда я вспоминала ректора — его тихий голос, его близость, его пальцы на моём подбородке, — я чувствовала не только страх. Я чувствовала болезненное, острое любопытство. Желание понять: кто он на самом деле? Что скрывается за маской Лорда-Кошмара? И почему, когда он смотрит на меня, моё сердце начинает биться быстрее? Слухи рисовали его чудовищем. Безжалостным дознавателем из Разлома. Магом,

который ломает чужие сознания. Но в кабинете я видела другое. Я видела человека, который потерял мать и не знает, что скрыто в его собственном подсознании. Человека, который предложил мне чай и не сдал Ментальному Трибуналу, хотя мог. Человека, который сказал: «Я не обещаю вам безопасности, но обещаю правду».

Что из этого — правда? А что — его собственная маска?

Я не знала.

А ещё я не знала, кто такой Торан. Парень, который дал мне амулет, исчез. Его никто не видел в Академии. В списках студентов он не значился. Библиотекарь сказала, что не помнит никого с таким именем. Он был как призрак. Как персонаж чужого сна. Но он был реален. Потому что амулет — вот он, лежит в моей ладони.

Я сжала его в кулаке. Холод металла немного отрезвлял.

Ректор сказал узнать, кто такой Торан. И я собиралась это сделать. Не ради Дариона Вэлла. Ради себя. Потому что кто-то использовал меня — и этот кто-то ответит. Даже если для этого придётся снова войти в сон Лорда-Кошмара. При мысли об этом по телу пробежала дрожь. И, чёрт возьми, это снова был не только страх. В кармане завибрировал телефон.

Одно новое сообщение. На этот раз — не с неизвестного номера. На экране высветилось:

«Библиотека. Отдел запрещённой литературы. Завтра в 22:00. Приходи одна. — Д.В.»

Я смотрела на экран, и сердце гулко билось где-то в горле. Ректор назначил встречу в том самом месте, где Торан впервые подошёл ко мне. Совпадение? Нет. Дарион Вэлл не верил в совпадения. И я тоже переставала.

Глава 5. Трое в библиотеке, не считая тайн

22:00. Библиотека Академии Сомния. Отдел запрещённой литературы

Я пришла за пятнадцать минут до назначенного срока, потому что ненавидела опаздывать, а ещё потому, что хотела успеть унять дрожь в коленях до того, как он появится. Библиотека ночью была совсем не такой, как днём. Высокие стеллажи отбрасывали длинные тени, а кристаллы-накопители на чердаке гудели едва слышно, как улей. Дежурные огни под потолком горели вполсилы, создавая полумрак, в котором даже знакомые стулья казались притаившимися чудовищами. Отдел запрещённой литературы прятался в самом дальнем углу, за дополнительной дверью с руной ограниче-

ния, и здесь было ещё темнее. Я остановилась у того самого стола, где две недели назад сидела с учебником Морвена. Где ко мне подошёл Торан. И где теперь, оглядываясь назад, каждое его слово казалось частью чьего-то чужого плана.

— Пунктуальность, — раздался низкий голос из темноты, и я чуть не подпрыгнула.

Ректор вышел из-за дальнего стеллажа — тот самый, который я не проверила. Он двигался бесшумно, как тень, и выглядел так, словно ночные встречи в запрещённых секциях библиотек были для него обычным делом. Чёрный костюм, белая рубашка без галстука, верхняя пуговица расстёгнута. И глаза — в полумраке серебристые искры казались ярче, почти светящимися.

— Я не хотела опоздать, — сказала я, стараясь, чтобы голос не звучал как у испуганной мыши.

— И не опоздали. — Он жестом пригласил меня сесть за тот самый стол, а сам остался стоять, опершись бедром о край стеллажа. — Итак, студентка Эш, что вы выяснили о нашем общем знакомом?

Прямо к делу. Никаких «как прошёл день», никаких светских любезностей. Я оценила. Меньше шансов ляпнуть глупость.

— Почти ничего, — призналась я. — Торана никто не помнит. В списках студентов он не значится. Библиотекарь говорит, что не видел никого, кто подходил бы под описание. Я проверила журнал выдачи запрещённых книг — за последний месяц там только мои подписи и ещё несколько старшекурсников, но никого с именем Торан.

Ректор слушал, не перебивая. Когда я закончила, он кивнул каким-то своим мыслям.

— Это совпадает с моими данными. Торан — вымышленное имя. Но кое-что интересное всё же есть. — Он вытащил из внутреннего кармана пиджака сложенный листок и положил на стол. — За последний месяц доступ к архиву моей матери запрашивали дважды. Оба раза — под поддельными допусками. Первый — три недели назад. Второй — за день до того, как вы получили амулет.

Я развернула листок. Это была копия журнала допусков, где в двух строчках значилось: «Профессор К. Дейн, кафедра артефакторики» — но подпись была перечёркнута красным и заменена пометкой «Допуск аннулирован. Личность не подтверждена».

— Профессор Дейн не запрашивал доступ, — сказал рек-

тор. — Кто-то использовал его имя. Тот же, кто дал вам амулет. Потому что именно тогда исчез артефакт моей матери.

— Но зачем ему я? — вырвалось у меня. — Почему не пойти самому? Зачем подставлять какую-то второкурсницу?

Ректор помолчал. Потом посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом.

— Потому что вы не «какая-то второкурсница», Эш. Амулет крови не принял бы вас, если бы между вами и моей матерью не было связи.

Связь. Это слово повисло в воздухе как приговор. Я открыла рот, чтобы спросить, что он имеет в виду — мои родители были самыми обычными людьми, даже не магами, я первая в семье поступила в Академию! — но не успела.

Потому что где-то за стеллажом раздался шорох. И грохот. И сдавленное ругательство.

Ректор повернул голову.

— А вот и ваш Страж, — произнёс он с едва заметной усмешкой. — Карвен, вы знаете, что ваш ментальный щит абсолютно бесполезен, если вы материализуете его вместе с ботинками?

Из-за стеллажа, потирая ушибленный локоть и сверкая пунцовыми ушами, выбрался Лекс. Он был в том же свитере, что и днём, — видимо, даже не переоделся после отработки — и выглядел как человек, который провёл последние двадцать минут, сражаясь с паутиной.

— Я... — начал он. — Я не следил!

— Разумеется, — ректор даже не скрывал сарказма. — Вы просто гуляли. По библиотеке. После отбоя. В отделе запрещённой литературы, куда у вас нет допуска. В той его части, которая ближе всего к месту нашей встречи. Совершенно случайно.

Лекс открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Я защищал Алису! — выпалил он наконец. — После того как вы... после того что случилось... я не мог просто сидеть и ждать! Я дал клятву!

— Клятву, — повторил ректор, и в его голосе мелькнуло что-то похожее на интерес. — И какую именно?

Лекс выпрямился. Его щёки всё ещё горели, но голос стал твёрже.

— Когда мы были детьми, она спасла меня от кошмара. Я пообещал, что всегда буду её защищать. Это магическая клятва, и я не нарушу её, даже если вы меня исключите.

Повисла тишина. Я смотрела на Лекса — растрёпанного, с пятном пыли на свитере, с глазами, полными упрямой, отчаянной решимости, — и чувствовала, как к горлу подступает комок. Он действительно дал тогда эту клятву. Ему было восемь. Я думала, это детская игра. А он пронёс её через всю жизнь. Ректор перевёл взгляд с Лекса на меня. Потом обратно. И вдруг усмехнулся — не злой, но понимающей усмешкой, от которой мне стало не по себе.

— Что ж, Карвен, — сказал он. — Раз уж вы здесь, хотя вас никто не звал, то хотя бы присядьте.

Лекс моргнул:

— Что?

— Садитесь. — Ректор кивнул на стул рядом со мной. — Вы всё равно уже подслушали достаточно, чтобы быть либо соучастником, либо проблемой. Я предпочитаю первое.

— Я не буду соучастником ваших тёмных дел! — взвился Лекс.

— Моих тёмных дел? — ректор приподнял бровь. — Студент Карвен, я расследую кражу артефакта, подделку допус-

ков и, возможно, заговор против Академии. Это не тёмные дела. Это работа ректора. А вот ваше поведение — слезка за руководством, вторжение в запрещённую секцию и отказ от сотрудничества — вполне тянет на исключение.

Лекс замер. Потом медленно, как побитый щенок, сел на стул рядом со мной.

— Вот и славно, — ректор скрестил руки на груди. — А теперь — коротко, для новоприбывшего. Некто, представившийся Тораном, дал мисс Эш амулет моей покойной матери. Амулет настроен на мою кровь, но мисс Эш он почему-то принял. Этот некто явно хотел, чтобы она проникла в мой сон и увидела там некий объект. Что это за объект — я пока не могу сказать, потому что это скрыто даже от меня. Но прямо сейчас кто-то в Академии пытается добраться до моего подсознания. И мисс Эш — ключ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.